

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79

КОГНИТИВНАЯ МАТРИЦА ЭМОЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

В.И. Шаховский

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, Россия, г. Волгоград, проспект им. В.И. Ленина, 27

Цель статьи — показать движение научной мысли от зарождения до определения понятия «языковая личность». Отмечается, что до 70-х гг. прошлого столетия эмоции полностью исключались из сферы лингвистического внимания. В связи с появлением антропоцентрической лингвистики эмоции были признаны центром человеческой личности, но многие ученые по-прежнему уделяли внимание в основном только языку человека, и в структуре понятия «языковая личность» оставалась значительная лакуна — отсутствовала ее эмоциональная компонента. Задачами данной статьи являются: 1) изучение этапов становления теории языковой личности; 2) доказательство необходимости включения эмоциональной компоненты в структуру концепта языковой личности; 3) обоснование нового термина — «эмоционально-коммуникативная личность», который логично вписывается в терминосистему современной коммуникативистики и не отрицает термин «языковая личность», а подчеркивает коммуникативную важность ее эмоциональной компоненты. Теоретическим материалом послужили многочисленные концепции языковой личности от В.В. Виноградова (1930-е гг.) до Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова (1980-е гг.), а затем, с 90-х гг. по настоящее время О.А. Дмитриевой, И.А. Мурзиновой, 2015; Shakhovsky, 2000; В.И. Шаховский, 2008 а, б; А.А. Штебы, 2014 и мн. др. В зарубежной лингвистике такое терминопонятие не разрабатывалось. Другим теоретическим источником явились многочисленные работы по теории эмоций в языке. В отечественном языкознании лингвистика эмоций разрабатывается с 1969 г. Основные результаты этой работы отражены в публикациях В.И. Шаховского, с 1969 по настоящее время; С.В. Ионовой, 1998, 2015; Н.А. Красавского, 2001; Т.В. Лариной, 2009, 2015; Я.А. Волковой, 2014 и мн. др. В современной интерпретации проблема формулируется как «язык и эмоции» в работах: А. Schleicher, 1869; Ch. Bali, 1944; A. Binet, 1946; F. Dane, 1987; B. Volek, 1987; R. Dirven, 1997; S. Niemeier, 1997; A. Wierzbicka, 1999 и др. Использованными в статье методами являются: критический анализ теоретических работ, гипотетико-дедуктивный метод, научная интуиция автора исследования. Автором установлено следующее: 1) теория языковой личности многолика, но до настоящего времени не предлагает полной картины этого феномена, что, в свою очередь, не позволяет сформулировать единую дефиницию языковой личности; 2) в связи с возникновением и развитием лингвистики эмоций и коммуникативистики стало очевидно отсутствие структурно-эмоциональной компоненты в матрице языковой личности. В связи с этим в работе даны аргументы в пользу введения нового термина — «эмоционально-коммуникативная личность», который закрывает лакуну, существующую во всех определениях языковой личности; предложено описание когнитивной матрицы эмоционально-коммуникативной личности, дополняющее понимание термина «языковая личность»; 3) подчеркнута, что именно структурно-эмоциональная компонента языковой личности позволяет осознать ее (не)экологичность; 4) предложенная матрица расширяет эмотивно-когнитивную компетенцию *homo loquens / homo sentiens*.

Ключевые слова: эмоции, коммуникативно-эмоциональная ситуация, языковая личность, эмоционально-коммуникативная личность, когнитивная матрица, человек эмоциональный (*homo sentiens*)

Эмоции прячутся в глубине разума (С. Кинг «Худеющий»)
«Слова воспаляют мозг людей» (К. Ремчуков)

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблема «язык и эмоции» стала интересовать лингвистов лишь во второй половине прошлого века, особенно в связи с появлением антропоцентрической научной парадигмы. Целый ряд исследователей заметили, что эмоции часто размягчают разум и прорываются через него наружу из глубин сознания. И тогда *«кипит наш разум возмущенный и в смертный бой идти готов»*. Эмоции становятся неуправляемыми, что в современном мире и наблюдается повсеместно. Разрушительный потенциал эмоций проявляется разнообразно, во всех сферах человеческой коммуникации: вербальной, невербальной, акциональной.

Эмоция как признак состояния разума/сознания конкретизируется в эмоциональных ситуациях и на поверхность вытягиваются такие смыслы (конкретизаторы той или иной эмоции), о которых ни говорящий, ни слушающий даже не помышляли и не знали об их возможном существовании. Так коммуникативная практика выявляет всё новые и новые валентности у, казалось бы, давно известных эмоций, нанося значительный ущерб как качеству самой коммуникации, так и здоровью конкретной языковой личности (далее — ЯЛ) и, в конечном счете, всему социуму.

2. МЕСТО ЭМОЦИЙ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА И В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Психолингвистами выделяются такие понятия, как *эмоциональное выгорание / истощение / деформация ЯЛ / вспышка / взрыв / температура эмоций / возгонка эмоций / кипят эмоции, эмоции кипят / эмоциональная покупка / эмоциональный подвиг / эмоциональная тупость / возгонка ненависти (через СМИ) / схватка зловещих эмоций*, которые оформляются в языке журналистами и являются разрушительными для коммуникации.

Чтобы подчеркнуть значимость эмоций для жизнедеятельности всех людей, ученые обозначили даже такое состояние человека, как эмоциональный нуль. Это такое состояние, которое внешне не проявляется, и человек не переживает никакие эмоции реально. Это подчеркивает значимость даже отсутствия эмоций для коммуникации. Не случайно, что физиологи и психологи отличают от этого состояния такое состояние человека говорящего/чувствующего, которое они назвали эмоциональной тупостью, т.е. полным отсутствием эмоционального интеллекта. Общение с такими личностями практически невозможно. И такого человека нельзя назвать ни ЯЛ, ни ЭКЛ (эмоционально-коммуникативной личностью).

И науке, и практике известно множество фактов, подтверждающих эмоциональное начало у человека. Думаю, что все-таки в начале была эмоция. Пора, наконец, как я полагаю, признать эмоциональную теорию происхождения языка и исключить эту проблему из ряда неразрешимых проблем (Schleicher 1869).

Человек под влиянием эмоций часто совершает безумные поступки, о которых потом сожалеет, но исправить уже ничего нельзя. Так что эмоции — довольно опасный инстинкт человека.

Эмоции занимают центральное место в теории эмотивной лингвоэкологии (Эмотивная лингвоэкология... 2013), поскольку человек очень часто в процессе коммуникации бросается не словами, а «эмоциональными булыжниками», т.е. возвращается к состоянию первобытного человека. Никакой удар, к сожалению, назад не вернуть, в том числе и вербальный. Удар можно простить, но забыть невозможно. Так устроена эмоциональная память человека. И не зря в одной из современных песен Д. Билан поет: «*Те слова, что ты сказала, словно камни, бросив мне, ни за что не написала б и в прощальном ты письме. Зачем словами больно бьешь? И так ты уйдешь*».

Голос эмоций очень сильно звучит в современном общении всех видов и типов. Эмоции бросают вызов современному человечеству на разных континентах: мы являемся живыми свидетелями правоты этого утверждения. Подчеркну, надо знать как можно больше о них. Я полагаю, что построение когнитивной матрицы эмоционально-коммуникативной личности могло бы вооружить всех коммуникантов определенными знаниями и правилами управления своими эмоциями (см.: Шаховский 2016: А, Часть 6). Это помогло бы коммуникантам остерегаться, предупреждать их воздействие на разум и отказываться от негативного мышления, сторониться его наведения со стороны, переводить коммуникацию на позитивный вектор и тем самым сохранять свое здоровье и здоровье окружающей человеческой среды. Приведу пример сказанному: персонаж художественного произведения С. Кинга Билли Халлек, негативное мышление которого (самовнушение о наложенном на него проклятии) привело его вначале к исцелению (С. Кинг, 2008).

Под воздействием негативного мышления происходит эрозия ЯЛ и ЭКЛ. Вот почему важен термин *человеческая экология*. Формированию такой экологии способствует новая отрасль лингвистики эмоций — *эмотивная лингвоэкология* (см: Сковородников 2016; Шаховский 2016: А и др.).

В связи с этим напомним, что некоторые люди, имеющие низкий уровень коммуникативной компетенции, делают ошибочные выводы, принимают неудачные решения и при этом не способны осознавать свои ошибки в силу низкого уровня своего эмоционального интеллекта (Goleman 1997). Это приводит к возникновению у них завышенных представлений о собственных способностях, в то время как действительно высококомпетентные люди, наоборот, склонны занижать свои способности и быть неуверенными в своих силах, считая других более компетентными. Оба типа людей характеризуются противоположным эмоциональным оценением своего интеллекта, но, к сожалению, необъективным в обоих случаях, и в обоих случаях это оценивание сопровождается эмоциональными переживаниями.

Каждый человек отличается способностью эмоционально переживать окружающий мир и себя в этом мире, свои взаимоотношения с миром и с другими людьми, включая и себя иногда в другое Я. Развести четко свои и чужие эмоцио-

нальные состояния ни один человек зачастую не способен без эмоциональной и эмотивной компетенций как конститuentов коммуникативной компетенции. К тому же, *competence and performance*, по Н. Хомскому, увы, довольно часто не совпадают из-за ущербности эмоциональной коммуникативной практики, из-за неопытности в ориентации в различных коммуникативно-эмоциональных ситуациях (далее — КЭС).

Никакая коммуникация невозможна без эмоционального фактора: сами события в современной межкультурной коммуникации вынуждают даже дипломатов и бизнесменов прибегать к эмоциональным высказываниям, порой очень горячим и резким. Напомню достаточно эмоциональное речевое поведение нашего образцового в рациональности своего интеллекта С. Лаврова, который не раз, даже в публичных выступлениях, срывался на эмоциональную лексику и тональность.

Мир подвижен. Более того, зачастую неожиданное поведение речевых партнеров стало непредсказуемым по своей нетолерантности, и поэтому человек, обладающий всеми признаками эмоционального интеллекта, не всегда успевает рационализировать свои эмоции. Именно поэтому люди все чаще не понимают друг друга, и самое главное, не хотят понять, потому что понять — это встать на позицию другого, а каждый коммуникант слишком индивидуален, поэтому ни максимы Дж. Лича и Г.П. Грайса, ни этические нормы Н.И. Формановской, ни культурные нормы Б.Н. Головина в условиях глобальной экспрессивизации, эмоционализации и экстремальной агрессии не срабатывают. Поэтому, на мой взгляд, проблема эмоциональной языковой личности становится актуальнейшей проблемой современной коммуникативистики, тем более что уже активно, и не только в бытовом, научном и судебном дискурсах, используется термин *коммуникативный садизм*.

3. ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ КАК РАЗДЕЛ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. ЕЕ СВЯЗЬ С ПСИХОЛОГИЕЙ И ФИЗИОЛОГИЕЙ

Лингвистика эмоций в настоящее время достаточно активно развивается и в нашей стране (Шаховский 1969—2016; Красавский 2001; Вестник РУДН 2015 № 1 и др.), и за рубежом (Bally 1944; Binet 1946; Selye 1974; Dane 1987; Alba-Juez 1994; *Language of Emotions* 1997; *Les Émotions* 2000; *Language and Emotions* 2016 и др.), и многие из лингвистов уже поняли, что сейчас говорить о ЯЛ невозможно без ее эмоциональной компоненты, которая тесно взаимодействует с экологическим фактором. Модус экологичности также, как уже доказано, зависит от эмоционального фактора, иногда прямо, а иногда опосредованно, а особенно в случае смешанных эмоций (Шаховский 2016: А, Часть 1).

В 70-е гг. прошлого столетия ученых заинтересовала проблема коннотации. Появилось множество работ, статей, диссертаций, монографий на эту тему. Отечественные лингвисты активно продвигали эту идею в зарубежную лингвистику, особенно в связи с переводоведческой проблематикой, как одной из сфер межкультурной коммуникации (см., например: Schakhovsky 1978, 1987 и др.). Это объясняется тем, что разнокультурная семантика одного и того же слова имеет не только

различные, но порой даже противоположные смысловые коннотации, которые выполняют функцию конкретизаторов одной и той же эмоции. В силу этого факта одно и то же слово, «начиненное» определенной эмоцией в разных эмоциональных культурах, не совпадает по своей экологической прагматике, что очень сильно затрудняет трансляцию эмотивных коннотативных смыслов с одного языка на другой и представляет собой серьезную переводоведческую проблему. В связи с этим я давно предложил включать в коммуникативную компетенцию переводоведческую компоненту.

Уже в 2000-х гг. у меня вышли монографии на тему эмоциональной коммуникации, в которых показывалась огромная роль эмоций и их энергетических ресурсов в коммуникативном взаимодействии людей (Шаховский 2008, 2010, 2015а и др.).

Так, Ш. Балли был одним из первых лингвистов, который утверждал, что коммуникация не может быть ни чисто рациональной, ни чисто эмоциональной. Она постоянно балансирует между этими двумя качествами и зависит от конкретной ситуации: в одной может превалировать эмоциональная доля, в другой — рациональная. Эти доли могут иметь разное соотношение (Bally 1944).

А. Бине (зарубежный психолог) в своих работах неоднократно отмечал, что любая мысль возникает вначале в форме эмоционального образа (Binet 1946).

Ганс Селье был первым из ученых, который в середине прошлого века сумел экспериментально и аргументировано доказать, что стресс может быть полезен для человека. В своих работах он различал дистрессы и эвстрессы. Последние из них он определил как полезные для человека, чем очень удивил всю мировую общественность. Не признать его теорию невозможно, т.к. он приводил конкретные примеры полезности многих стрессов (Selye 1974).

В.Г. Гак убедительно доказал существование эмоционального синтаксиса, и что вся коммуникация людей эмоциональна (Гак 1998). Т. Дридзе в своих работах отмечала, что восприятие любой информации начинается с ее эмоционального образа: коммуникант вначале воспринимает и осознает эмоциональное содержание информации, а потом уже фактуальную (Дридзе 1980). Можно продолжить перечисление ряда работ, к сожалению, нелингвистических, т.к. лингвисты долгое время находились под гипнозом официального непризнания определенного места эмоций в лингвистике. Признание этой роли встречается только в трудах отечественных психологов.

В работе Т.В. Лариной на примере вежливости в русской и британской языковых культурах детально анализируется роль эмоций в формировании разнокультурных коммуникативных стилей (Larina 2015: 195—215). Каждый из этих стилей маркирован определенной степенью эмоциональности: вежливость может быть искренней и неискренней, теплой, холодной, ледяной, ироничной, саркастичной и др. Вежливые формулы в разнокультурных общностях, будучи всегда эмоциональны, не всегда легко переводимы с одного языка на другой, и даже нулевая вежливость маркирована эмоциональностью. Т.В. Ларина подробно рассмотрела в своих многочисленных работах различные вежливые речевые акты (Ларина 2009: 108—119 и др.). Проблема связи вежливости с оценкой, а оценка с эмоциями настолько существенна, что этой проблеме уделяют пристальное внимание, и ко-

нечно же не могут обойтись без обозначения большой роли эмоции в ироничных и вежливых актах эмоциональной коммуникации. Среди зарубежных работ отмечу публикацию L. Alba-Juez (Alba-Juez 1994: 9—16)

Следует также упомянуть, что у эмоций есть две природы — психологическая и физиологическая. Физиологов давно интересуют проблемы эмоций не только у человека, но и у животных (Darwin 1997: 401). Но до настоящего времени, ни первые, ни вторые так и не составили полного инвентаря/библиотеки/словаря эмоций и не определились с их универсальной дефиницией. Существует более 10 теорий и концепций эмоций (философская, информационная, биологическая, психологическая и др.), а лингвистическая теория эмоций появилась лишь в начале 21 века (подробнее см.: Шаховский 2008а).

В данной работе я попытаюсь представить модель эмоциональной языковой личности в первом приближении к решению этой научной проблемы. Уже давно известно, что все *homo loquens* являются одновременно и *homo sentiens*: это объясняется тем, что мы говорим и чувствуем одновременно. Вот почему лингвистами выделяется в семантике языкового знака на разных уровнях языка не только эмоциональный, но еще и чувственный компонент. На данном этапе разработки модели ЭЯЛ ее можно представить лишь дескриптивно, опираясь на достижения отечественной и зарубежной лингвистики в описании эмоционально-чувственной стороны языка и ее взаимодействия с рациональной стороной (ЯЛ). Вся суть этого взаимодействия выражена в словах Ф. Данеша “*Cognition and emotion go hand in hand*” (Dane 1987). Эти слова прозвучали на 17-м международном конгрессе лингвистов, на котором впервые на пленарном заседании был поставлен доклад об эмоциональной стороне языка. С этого момента уже официально и бесповоротно было признано тесное взаимодействие языка и эмоций.

4. МЕТОДИКА И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Прежде чем приступить к моделированию эмоционально-коммуникативной личности (ЭКЛ), попробую критически осмыслить понятие ЯЛ вообще. В настоящее время данная проблема не очень популярна и актуальна. Она почти иссякла к концу прошлого века. Некоторые ее отголоски, в основном вторичные, еще наблюдались в начале XXI века. Впервые после В.В. Виноградова (1930) эту проблему поднял Г.И. Богин (1984). Но на его работы почти никто не отреагировал, более того, его идеи долго не принимались его современниками. Ю.Н. Караулов возвратился к этой проблеме в своей знаменитой книге, посвященной русской языковой личности (Караулов 1987). И после его монографии в рамках антропоцентрической парадигмы, когда всем стало понятно, что человек не только создал язык и пользуется им, но и создает на нем тексты, стала широко цитироваться фраза из этой книги «за каждым текстом стоит человек». А поскольку все, что говорит человек, является текстом, то естественно, что на первый план выдвигается проблема автора этого текста, т.е. ЯЛ.

ЯЛ стала рассматриваться с разных точек зрения: стала выделяться ее структура, уровни, иерархии, типы и номинации. Среди них упомяну следующие: «де-

структивная ЯЛ», «компьютерная ЯЛ», «элитарная ЯЛ», «профессиональная ЯЛ», «деформированная ЯЛ», «эмоциональная ЯЛ», «экологичная/неэкологичная ЯЛ» и др. (Shakhovsky 2000: 195—202; Шаховский 2008: 89—101; Волкова 2014; Штеба 2015). Этой же теме посвящена и коллективная монография краснодарских лингвистов (Языковая личность... 2000). В ней языковая личность изучается как лингво-прагматический феномен, рассматривается языковая личность «образа автора» через описание поступков персонажа художественного произведения, личность автора исследуется в аспекте лингвоинтерпретации. Но и она тоже не дает полного понимания, что же такое ЯЛ, какова ее модель, как эта модель структурируется, как она формируется, и можно ли о человеке говорить «неязыковая личность», ведь в мире все оппозитивно, бинарно.

Были проведены десятки научных конференций на эту тему, в том числе и международных. В сотнях публикаций о ЯЛ, к которой обращались и маститые лингвисты, так и не было выработано модели русской языковой личности. Что было выявлено точно, так это то, что каждая ЯЛ национально-культурно специфична, что она имеет индивидуально-превалирующую лексику, грамматику и стилистику.

Наибольший интерес представила научная дискуссия о характеристике ЯЛ в политическом дискурсе, потому что ЯЛ-политика от муниципального до федерального, и даже международного, оказалась тоже трудно моделируемой (см. серию изданий по проблеме у Ю.С. Сорокина, В.Н. Базылева, А.А. Романова, Е.И. Шейгал, В.И. Шаховского в прошлом веке, а также сегодняшний периодический журнал «Политическая лингвистика», издаваемый в Екатеринбурге под ред. А.П. Чудинова). Выяснилось, что политическая ЯЛ наиболее неискренняя и потому экологически опасная: ей положено верить, а верить нельзя, потому что вся политика основана на лживых обещаниях, лингвистических ухищрениях, двусмысленности и дезориентации в реальном мире.

В свое время в Йельском университете была опубликована статья об эмоциональной ЯЛ. В этой статье рассматривался вопрос о модели и параметрах ЭЯЛ (Shakhovsky 2000: 195—202). Но я до сих пор считаю, что модель эмоционально-коммуникативной личности еще не создана, даже в самых общих чертах, а учитывая ускорение темпа жизни и увеличение во всем мире количества коммуникативных эмоциональных ситуаций (далее — КЭС), такая модель должна быть спроектирована хотя бы схематично, чтобы человек мог оперативно и эмоционально осмысленно, не через искаженный фокус восприятия, адекватно реагировать на своих речевых коммуникантов и на себя.

5. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ О ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Начну с перечня характеристик, которые вкладывал в это понятие Г.И. Богин (Богин 1984), сопровождая их моими комментариями.

1. Индивидуация языковой личности. По мнению Г.И. Богина, ЯЛ — это готовность человека к использованию языка в своей деятельности, готовность производить речевые поступки и создавать речевые произведения.

2. Родовая способность человека быть ЯЛ. Этот тезис схож с утверждениями Н. Хомского о врожденной языковой компетенции. Но каждый индивид еще должен стать ЯЛ, т.е. ему предстоит **приобрести и актуализировать** это родовое свойство, применительно к конкретной индивидуальности и к конкретным социально-культурным условиям. Вспомним о Маугли — в животной среде и в человеческом социуме.

3. Г.И. Богин считает, что может существовать идеальная ЯЛ. Я с этой точкой зрения согласиться не могу, т.к. в естественном мире не может быть ничего идеального. Всё несовершенно, и предела совершенствованию нет, как и наоборот. На каждой стадии развития ЯЛ остается что-то за пределами ее коммуникативной компетенции. Напомню, коммуникативная компетенция развивается до определенного момента, а затем ее развитие затормаживается (так и не достигнув полного совершенства, даже у элитарной ЯЛ).

4. По Г.И. Богину, на каждом уровне развития коммуникативной компетенции ЯЛ представлена своя модель этого уровня — модель как определенная промежуточная упорядоченная форма. Но тогда возникает вопрос, можно ли говорить о законченности идеальной модели ЯЛ, если каждая ЯЛ варьирует схему, предложенную ученым. Второй вопрос: является ли схема Г.И. Богина универсально применимой ко всем индивидуальным типам ЯЛ? Получается, что разные ЯЛ общаются друг с другом по собственным моделям, которые никогда полностью не совпадают, т.к. по-разному варьируют общенационально-культурную модель. Отсюда, языковые личности никогда полностью не понимают друг друга, но знание о разных уровнях коммуникативной компетенции и о разных моделях позволяет пере моделировать свою собственную модель, приспособив ее к модели речевого партнера. Можно говорить о варьировании моделей разных ЯЛ применительно к конкретной КЭС. Это можно назвать модельным тьюнингом, или тьюнингом моделирования, или тьюнингом моделей. Совершенных моделей ЯЛ быть не может еще и по тому, что КЭСы бесконечно варьируются. А все варианты ни одна модель предусмотреть не может, поэтому можно говорить лишь об усредненной модели ЯЛ по бытовому общению и профессиональному, а также по гендеру. Важнейшим фактором, препятствующим формированию универсальной модели ЯЛ, являются эмоции человека. Они не позволяют двум эмоционально говорящим людям всегда перейти на общую волну общения, т.е. идеально провести эмоциональный тьюнинг. Об этом свидетельствуют многочисленные коммуникативные практики людей.

5. По мнению Г.Н. Богина, модель ЯЛ — это конкретная схема ее речевой способности, т.е. ее коммуникативной компетенции. Здесь тоже хотелось бы возразить глубоко уважаемому мною ученому, что, как бы ни была типизирована КЭС, конситуации никогда не совпадают полностью друг с другом: нельзя войти дважды в одну и ту же реку. Поэтому одни и те же речевые партнеры в одной и той же конситуации варьируют свои индивидуации. А количество конситуаций, особенно эмоциональных, неисчислимо.

6. Как известно, речевая готовность может быть большей/меньшей, лучшей/худшей. По моему мнению, это еще одна причина, почему идеальная ЯЛ невозможна.

7. Г.И. Богин выделяет еще уровни качества языковой готовности: правильность, интериоризацию, насыщенность, адекватный выбор, адекватный синтез. С этим нужно согласиться.

8. Вектор развития качеств ЯЛ. Это утверждение ученого справедливо, но я бы учел еще и эмоциональные качества ЯЛ.

9. Модель ЯЛ, по Г.И. Богину, представлена в форме куба. Она очень сложна для осмысления, т.к. включает в себя 60 параметров, которые являются, по мнению ученого, содержанием коммуникативной компетенции как ее внутренней структурой. На момент разработки такая модель, возможно, являлась идеальной, но ее даже представить сложно в реальной коммуникации, а поэтому и перепроверить невозможно. Таким образом, по моему мнению, данная модель является всего лишь гипотетической, но ни доказать, ни опровергнуть ее правомерность не представляется возможным. Можно предположить, что даже у одной и той же ЯЛ ее модель может различаться в разных КЭС. Кроме этого, необходимо обязательно учесть и такие параметры модели ЯЛ, как предрасположенность к креативности, образному мышлению, психологический тип, экстравертность/интровертность, степень эмоциональности и эмоциогенности, возраст, гендер, этничность, образованность и другие параметры языкового паспорта ЯЛ.

10. Чувство языка. Переживание индивидом того факта, что он обладает речевой способностью (готовностью), называется Г.И. Богиним «чувством языка» (языковая интуиция/чутье): «Я чувствую, что я сказал не то, оговорился и др.». Но этого, по-моему, мало: нужно еще и чтобы чутье руководило говорящим, сообразно КЭС — отбором слов, их комбинаторикой, коннотациями, этикой, экологичностью.

11. Г.И. Богин пишет об «инвентаре способностей». Сомневаюсь, что провести объективно такую инвентаризацию возможно. Его мнение о том, что индивид осознает все степени своей речевой готовности до конца, мне кажется сомнительным, т.к. из коммуникативной практики видно, что ЯЛ может повести себя совершенно индивидуально и непредсказуемо даже для самой себя, т.е. конситуативно (см. Шаховский 2016б: 324—333). Ибо эмоции неуправляемы, их трудно рационализировать.

Как видно из вышеприведенной дискуссии с Г.И. Богиним, он не учел такой параметр ЯЛ, как ее природную эмоциональность, которая входит эмоциональной компонентой в геном человека.

Идеи Г.И. Богина развивает в своей известной монографии, упомянутой выше, Ю.Н. Караулов. В ней рассматривается один из интереснейших вопросов лингвистики: о формах существования языка и способах его использования. Разрабатывая понятие ЯЛ, автор показывает, что оно является системообразующим для описания национального языка.

Самым оригинальным и интригующим моментом в концепции Ю.Н. Караулова является представленная и в достаточной степени аргументированная содержательная структура русской языковой личности. По убеждению Ю.Н. Караулова, она трехчастна и состоит из вербально-семантического, тезаурусного и мотива-

ционно-прагматического уровней. Ю.Н. Караулов представляет эту структуру один раз в схеме (Караулов 1987: 56) и один раз в тексте (Караулов 1987: 60—62). Текстовая структура сопровождается развернутым аргументативным комментированием. Содержание структуры ЯЛ по Ю.Н. Караулову я здесь не воспроизвожу, т.к. его работа вышла в виде солидной монографии под эгидой АН и получила распространение и широкую известность.

Как видно из вышеизложенного, концепции Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова совершенно различны, и потому утверждать, что какая-то из них истинная, не представляется возможным. Если сравнить эти две концепции и ЯЛ, то при всем их различии у них есть общий недостаток: ни в концепции Г.И. Богина, ни в концепции Ю.Н. Караулова нет ни одного упоминания об эмоциональной составляющей структуры ЯЛ. По их концепциям получается, что ЯЛ — всегда рациональная личность. Но, во-первых, коммуникативная практика не подтверждает это мнение, а, во-вторых, сам Ю.Н. Караулов утверждает, что за каждым текстом стоит человек, а человек, как необходимо добавить, создание очень даже эмоциональное. А изучение эмоционального в языке человека является предметом отдельного изучения отдельной области языкознания — лингвистики эмоций (эмотиологии).

6. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР «КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ» ЖИВОТНЫХ

Физиологи отмечают наличие эмоций и у животных. Но у них инстинкт самосохранения сильнее, чем у человека (у человека он имеет очень низкий порог). Так, например, общеизвестно, что пчелы могут быть эмоциональными и раздражительными и могут ужалить человека в таком состоянии. Но друг друга они не убивают. Вспомним кадры из к/ф «Гараж» Э. Рязанова, в котором персонаж в исполнении Л. Ахеджаковой, увещевая своих коллег, говорит: *«Волки не едят волков, зайцы не едят зайцев...»*. А современный человек все время эмоционально ест сам себя и других. И в этом, подчеркну еще раз, деструктивная сила эмоций, особенно в ситуации коммуникативного садизма (см.: Волкова, 2014). Поэтому их надо изучать со всех сторон. И в том числе лингвистически.

Еще одним подтверждением того, что эмоциональное сопутствует разумному, а также инстинктам, являются многочисленные факты изучения языка животных. Так, например, было даже несколько попыток описать домашних животных как языковых личностей (Ермакова 1998: 94—103; Сиротинина 1999: 222—228, 241—245; и др.). Эти попытки являются не только любопытными, но и очень полезными для сравнения коммуникации людей друг с другом и домашних животных с людьми и друг с другом.

Так, например, О.П. Ермакова отмечает, что она убеждена в коммуникативных возможностях собаки. Ее наблюдения за коммуникативными возможностями домашних животных могут дать представление о том, каким пассивным словарем в среднем обладает собака (или кошка). О.П. Ермакова предполагает, что в недалеком будущем возможно составление такого словаря. При основательном изучении этого вопроса ученые будут более точно знать, что усваивает животное из человеческой речи (Ермакова 1998: 94—103).

Другой автор, О.Б. Сиротина, сравнила опыт наблюдения за своими собаками трех поколений и пришла к выводу, что есть основания говорить о речевом портрете собаки и что проблема эта требует более пристального и обширного внимания (Сиротина 1999: 222—228, 241—245). Наблюдения названных авторов и других ученых, исследующих когнитивные способности у собак, позволяют утверждать о наличии у них GF-фактора.

И.А. Стернин в одной из своих книг специально рассмотрел вопрос о том, как животные общаются друг с другом и как человек общается с животными (Стернин 1987). Из этой работы видно, что языком обладает не только человек. Но только человек может быть языковой личностью, поэтому все работы, связанные с анализом языка животных и даже растений, несомненно, вносят свою научно-практическую лепту, особенно в сравнительном аспекте, в развитие и становление языковой личности. Чем больше наблюдений и чем разнообразнее точки зрения, тем будет более полная картина сущности этого, пока еще до конца не определенного феномена, — ЯЛ. Вспоминается одна из первых работ Ч. Дарвина, посвященная подробному анализу и описанию эмоционального поведения животных. Впервые эта работа была издана в 1872 году и переиздана совсем недавно, в 1997-м (Darwin 1997).

Недавно в СМИ прошла информация о том, что некоторые ученые предлагают назвать тех обезьян, которые поддаются научению «говорить», т.е. произносить отдельные слова, фразы, имитируя вслед за человеком, а потом и осмысленно в соответствии с ситуацией, языковыми личностями. Но это не касается всех обезьян разных пород, а лишь наиболее одомашненных. Общеизвестным является давно замеченный факт, что они общаются определенными знаками (на уровне их сигнальной системы, т.е. инстинктов). Но то, что все животные, а не только обезьяны, как-то общаются друг с другом, замечено еще ранее. Но это не является аргументом говорить о животных как о языковых личностях.

7. ПОНИМАНИЕ ТЕРМИНА «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» В ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКЕ, ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ

Далеко не каждого человека можно назвать ЯЛ. Я полагаю, что не всякий человек является *homo sapiens*, во-первых, и Личностью, во-вторых. Понимание психологией и педагогией слова *Личность* подчеркивает, что человек не рождается *Личностью*, а становится / не становится ею в своем развитии. Но это отдельная тема, поэтому я здесь не буду развивать этот тезис.

Понятие Личности является базовой категорией педагогики: Личность — социальная характеристика человека, это тот, кто способен на самостоятельную (культуросообразную) социально-полезную деятельность. В процессе развития человек раскрывает свои внутренние свойства, заложенные в нем природой и сформированные в нем жизнью и воспитанием, то есть человек — двойственное существо: биологическое и социальное <https://www.studsell.com/view/119770/> [дата обращения 17.03.2017].

Таким образом, ни в одном из определений ЯЛ в педагогике, социологии и психологии не делается специального акцента на эмоциональной стороне язы-

ковой деятельности человека, ни как просто Личности, ни как ЯЛ. А уже сама жизнь ежедневно, если не ежечасно, демонстрирует важность этой стороны в жизнедеятельности человека.

Определенный вклад во всей жизнедеятельности человека вносит и понятие «языковой паспорт говорящего». И.А. Стернин включает в это понятие следующие речевые характеристики человека: манеру его произношения; его национальность; его стилистический выбор; его культуру; его возраст; его гендер; его профессию; его психотип; рост; место жительства (рождения); наклонности (интересы); заболевания и др. (Стернин 1987: 80—83).

Когда И.А. Стернин говорит о психотипе человека, он прямо не называет его эмоции или их отсутствие. Науке известно, что градация эмоциональности у разных людей различна в зависимости от его психотипа. Чисто рациональных людей не бывает, но в литературе описан такой случай, как эмоциональная тупость, когда человек вообще ни на что не реагирует эмоционально. Ему все безразлично. Нормальному человеку все безразлично быть не может. Несомненно, и этот аспект — аспект языкового паспорта говорящего — тоже имеет непосредственное отношение к изучению ЯЛ и ее разновидностям.

Специальный раздел докторской диссертации Н.Н. Панченко посвящен проблемам персонологии, в которые включается и проблема ЯЛ. Она подчеркивает, что представление о том, что личность коммуниканта имеет определенную структуру, основывается на феноменологической идее о мультипликативной природе личности, предполагающей, что структура личности коммуниканта есть единство различающихся ипостасей человека, имеющих физическую, социальную, ментальную и психологическую, эмоциональную природу (Панченко 2010: гл. 3).

На базе изучения проблемы ЯЛ в парадигме персонологии появилось новое для своего времени научное ответвление, условно называемое «типажведение», которое сосредоточило свое внимание на ЯЛ как конкретном типаже. Фактически изучение типажей стало изучением одного из аспектов структуры ЯЛ. Приведу некоторые выдержки из работ О.А. Дмитриевой и И.А. Мурзиновой, которые попытались развить и описать теорию типажа ЯЛ. Время от времени в отечественной лингвистике все еще появляются работы по отдельным типажам. Попробую дать резюме некоторых теоретических воззрений на проблему лингвотипажа, которая тесно взаимодействует с проблемой ЯЛ:

1. Она рассматривает и анализирует ключевые параметры архитипического типажа.

2. «Типажведение» включает теорию архетипа как одного из феноменологических признаков.

3. Типаж облигаторно зависит от национально-культурной специфики его среды обитания, откуда и возникает проблема коммуникативных помех при межкультурной коммуникации типажей за счет специфических культурных смыслов (Леонтович, 2011: 149—162).

4. О.А. Дмитриева и И.А. Мурзинова цитируют И. Канта, что восприятие предшествует знанию, т.е. знание зависит от восприятия. Из их работы явствует, что архетипы находятся вне времени и пространства (они узнаваемы и ассоции-

руемы). Архетипы — это не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность. Они не входят в сознание, а соединяются с представлениями опыта и подвергаются сознательной обработке. Предписания общего плана побуждают к активности или реагированию на ситуацию.

5. Замечу, что нужно еще понимание воспринятого, иначе оно не попадает в знание, а из него в коммуникативную практику. Согласно современной коммуникативистике, не всякая информация несет знание: информации может быть много, а выводимых из нее знаний, особенно используемых коммуникантом, — мало или очень мало (Шаховский 2016а). Видимо, не зря журналисты (как наиболее яркие представители *homo ludens*) недавно изобрели такую расшифровку аббревиатуры СМИ — «слишком много информации».

6. В связи с вышеупомянутым О.А. Дмитриевой и И.А. Мурзиновой И. Кантом приведу мнение А. Бине: он считал, что все мысли у человека впервые возникают в форме эмоционального образа (Binet 1946). Поскольку каждый человек является субъективным индивидуальным производителем мыслей, эмоциональные образы у разных людей не совпадают. Поэтому представляется возможным говорить об инообразах, препятствующих или способствующих адекватному общению.

7. Лингвокультурный типаж в толковании О.А. Дмитриевой и И.А. Мурзиновой может рассматриваться как одна из культурных актуализаций архетипа. В этом и заключается их взаимосвязь. Кроме этого, данная взаимосвязь может быть градуирована. Чем ближе типаж к архетипу, как, например, архетип «герой» — типаж «декабрист», тем большим эмоциональным откликом он обладает. Чем он более харизматичен, тем сильнее он манифестирует архетипическую природу во внешний мир и предстает как яркая личность. Типаж может нести в себе несколько архетипов, которые руководят ролевым поведением типажа. Например, архетип «трикстер» (фигура, воплощающая в себе физические страсти, желания, неподвластные разуму).

8. Между типажам и архетипами можно провести параллели. Например, архетип эмоционально маркирован, а *культурный типаж* (курсив мой — В.Ш.), по О.А. Дмитриевой и И.А. Мурзиновой, эмоционально нейтрален. Мой вопрос к авторам таков: речь идет о *культурном* типаже или о *лингвокультурном*? Естественно и еще один вопрос к авторам этой книги: если архетип эмоционально маркирован, то куда исчезла эмоциональность у *культурного типажа*? К сожалению, авторы не дают на этот счет никакого объяснения. Отрадно, что в теории типажа данные авторы неоднократно упоминают о его эмоциональной характеристике. Этим «типажведение» существенно отличается от теории концепта, который фактически не признает эмоциональность своим существенным компонентом.

9. Справедливость моего замечания подтверждается и в самой анализируемой работе: как пишут авторы, архетипы выражают врожденную *двойственность между положительными и отрицательными аспектами переживаний и эмоций* (курсив мой — В.Ш.).

10. В настоящее время теория архетипов широко применяется в имиджологии. Так, в борьбе политиков широко используется архетипическая методология «тень». Авторы монографии приводят такой пример: Б. Ельцин на танке (от В. Ленин на броневике).

11. И уж совсем открыто и явно теоретики «типажведения» признают эмоциональное «Я» в типаже в следующей формулировке: для лингвокультурных типажей (см. выше мой вопрос к авторам — о каком же типаже в их работе идет речь: *культурном* или *лингвокультурном*?), характеризующихся культурным компонентом, скорее правомерно говорить о социальных архетипах, что объясняет доминирующую роль культуры в конкретном социуме. А последнее объясняет соответствующее различие в гаммах эмоций. Эту единицу (эмоцию, чувство) можно назвать «принципиальным знаменателем личности».

12. Здесь уместно напомнить, что А. Вежицкая неоднократно писала об эмоциональных концептах и о различии эмоций в разных культурах, в которых существуют эти концепты (Вежицкая 1996; Wierzbicka 1999).

Изучение коммуникативной личности проводится несколькими науками, но все они объединяются в единый термин «персонология». По данной проблеме написано много работ (В.В. Виноградов, В.В. Красных, О.И. Матяш, О.Ю. Сиротина, и мн. др. — см. об этих и других авторах также: Панченко 2010: 140—143).

Так, Н.Н. Панченко, например, рассматривает типаж «правдолюб» в аспекте его коммуникативного поведения. В этом существенное отличие многих работ по типажам, которые акцентируют свое внимание на некомуникативных признаках, как существенных, от данной работы Н.Н. Панченко. В ней выявлены идентификационные характеристики *коммуникативного* поведения. В этом плане следует упомянуть одну из первых работ, посвященных именно коммуникативному, а не языковому поведению типажа (Пимкина 2017).

8. ЯЗЫКОВАЯ VS КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ

По моему мнению, В.В. Красных совершенно правильно и впервые предлагает термин именно «*коммуникативная личность*» (далее — КЛ), а не «*языковая личность*» (Красных 1998: 50). Во-первых, она отметила размытость, открытость содержания и понимания содержания ЯЛ. Во-вторых, она заметила, что ЯЛ включает в себя речевую личность (РЛ) как часть ЯЛ: «РЛ фактически является коммуникативной личностью» (Красных 1998: 50). Но я считаю, что КЛ шире понятия РЛ, т.к. КЛ опирается на знание типичных ситуаций и на индивидуальность говорящего, особенно в аспекте его эмоций и знаний о правилах их вербализации в различных КЭС (эмоциональные стили не только у каждого говорящего, но и слушающего, т.е. его речевого партнера, индивидуальны). Далее В.В. Красных отмечает, что ЯЛ проявляет себя в речевой деятельности (Красных 1998: 51). На мой взгляд, это согласуется с мнением о том, что все другие виды и типы личности, а эмоциональная языковая личность является более широкой разновидностью КЛ, в определенном дискурсе всегда являются коммуникативными. Поэтому я предлагаю использовать для обозначения эмоциональной языковой личности термин эмоциональная коммуникативная личность (ЭКЛ), но не отвергая при этом термин ЯЛ, а через новый термин лишь подчеркивая, что она всегда еще и ЭКЛ. Все КЛ инстинктивно являются *homo sentiens*.

Человек выступает в трех ипостасях: речь, язык, коммуникация, а внутри последней — КЭС, ибо одна и та же ЯЛ в разных КЭС, во-первых, становится ЭКЛ,

а, во-вторых, коммуникативно ведет себя по-разному. Другими словами, ипостась КЭС является определяющей при определении типа ЯЛ.

Как известно, языковая личность отличается от КЛ тем, что обладает определенными знаниями и представлениями для процесса говорения, а ЭКЛ, помимо этого, еще и соответствующими знаниями об эмоциях. Совокупность этих знаний формирует когнитивную матрицу ЭКЛ (см ниже). Конечно, отдельные индивиды могут проявлять эмоционально в своем общении и бессознательное, т.е. инстинктивное, без опоры на определенные знания. Но такое коммуникативное поведение не будет интеллектуальным и не сможет регулировать свои эмоциональные проявления.

По утверждению В.В. Красных, представления включают в себя «собственно представления, образы и понятия, а также связанные с ними оценки и коннотации представления субъективны и эмоциональны, а также оценочны» (Красных 1998: 53). А коннотации, как известно, могут быть эмоциональными (Schakhovsky 1987). Представления тоже могут коннотатировать эмоциональность, что значительно влияет на смысловое варьирование одной и той же мысли (эмоционального образа). А у животных, которые не лишены разума и чувствований (эмоций), представления со всеми названными В.В. Красных компонентами отсутствуют, однако эмоции очень наглядны особенно в общении с человеком в различных коммуникативных ситуациях (см. выше: Ермакова, Сиротина и др.).

Конечно же, В.В. Красных права, что представления более важны, чем знания. Именно поэтому представления являются основой для моделирования новых креатем, которые уже эмоционально-коннотативны, а зачастую и прямо эмоциональны. Вот почему представления очень важны для порождения креатем, знаний здесь совершенно недостаточно: одно и то же знание (один и тот же факт) может породить у разных коммуникантов разные ассоциации и способствовать рождению разных креатем или вообще не провоцировать такой процесс (Шаховский 2016б).

По мнению многих исследователей, представления, в отличие от знаний, аксиологичны, и коммуникативные неудачи могут зависеть не от знаний, а от представлений, а значит от чувствований, которые всегда субъективны и потому затрудняют разрешение такого конфликта. Знания могут быть общими для речевого коллектива, а представления строго субъективны и варьируют эти знания, прежде всего, по эмоциональному параметру, а это еще более затрудняет построение как модели ЭКЛ, так и ее матрицы.

Коммуникативному поведению человека посвящен фундаментальный труд коллектива авторов (Матьяш и др. 2011). И этот труд, по сути дела, является энциклопедией знаний, накопленных наукой по данной проблеме, и показана методика коммуникативного воспитания личности. В отличие от всех упомянутых выше авторов в ней выделен специально раздел «Эмоциональная коммуникация в межличностном взаимодействии» (Матьяш 2011: 387—425). В данной работе авторы выделяют два правила успешного общения людей: золотое (говори так, как ты бы хотел, чтобы общались с тобой) и платиновое (говори так, как твой речевой партнер хотел, чтобы ты общался с ним). Оба правила имеют чувственную основу и не могут обходиться без эмоциональных переживаний.

9. ПАЗЛОВАЯ СТРУКТУРА КОГНИТИВНОЙ МАТРИЦЫ ЭМОЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

В связи с преследуемой мною целью предложить когнитивную матрицу ЭКЛ я отталкиваюсь от суммативности (а не суммы) определенных знаний, которые в предлагаемой матрице выступают в роли пазлов. Соединение этих пазлов формирует на базе перечисленных в матрице знаний соответствующие представления, которые тоже могут быть эмоциональными.

Замечу еще раз, что ни в одной концепции языковой личности не рассматривается ее эмоциональное Я, в то время как и психологи, и физиологи, и эмотиологи давно уже считают эмоции центром личности человека, в том числе центральным компонентом его коммуникативной деятельности. Вот почему, рассмотрев наиболее важные работы, посвященные проблеме ЯЛ, я возвращаюсь еще раз к своей работе об эмоциональной языковой личности и попытаюсь построить когнитивную матрицу, но уже не языковой личности, а *эмоционально-коммуникативной личности*. В этом термине подчеркивается значимость эмоций для коммуникации людей. Таким образом, в данной работе утверждается, что любая ЯЛ фактически является коммуникативной личностью, а коммуникация невозможна без участия эмоциональных переживаний темы, контента и отбора языковых/стилистических средств в процессе общения, поэтому ЯЛ, как правило, всегда является ЭКЛ.

В качестве рабочего определения в данной статье под матрицей понимается структура и объем знаний о рационально- и эмоционально-коммуникативном поведении людей. Эта структура состоит из когнитивных элементов, называемых в работе пазлами (макро- и микро-), которые в совокупности и формируют матрицу соответствующих знаний о содержании термина ЭКЛ.

В современной лингвистической теории существует довольно объемный кластер таких знаний, которые представляют собой сетку битов (информативных единиц), сквозь ячейку которых будет вырисовываться содержание предлагаемого понятия ЭКЛ.

Первым кластером таких знаний является подробно рассмотренная выше схема структуры ЯЛ, разработанная Г.И. Богиним. Это самый фундаментальный макропазл, структурирующий логическую/рациональную сторону ЭКЛ.

Вторым крупным макропазлом, никак не пересекающимся с первым, является трехчастная структура по Ю. Караулову. Этот макропазл включает анализ и описание следующих микропазлов:

- 1) вербально-семантический уровень структуры ЯЛ;
- 2) тезаурусный;
- 3) мотивационный.

В третий макропазл я вношу знания, представленные в работах В.В. Красных. Данный макропазл состоит из следующих микропазлов: открытость структуры ЯЛ; включение речевой личности в ЯЛ; включение в структуру ЯЛ образов, представлений и понятий, связанных с ними оценок и коннотаций (впервые включена эмоциональная сторона в структуру ЯЛ, но лишь попутно. — *В.Ш.*).

В четвертый макропазл включены знания, составляющие микропазлы, которые получены из статей, коллективных монографий, диссертаций о различных типах языковых личностей, в том числе работы по типажам, включая коммуникативные типажы. Каждая из работ этого типа формирует довольно большой кластер микропазлов, но уже с уклоном к коммуникативности ЯЛ, частичной коннотативности, в том числе и эмоциональной. Вся информация, полученная из перечисленных выше источников и других, неупомянутых в данной статье, формирует соответствующие микропазлы четвертого макропазла предметной и частично эмоциональной структуры в матрице ЯЛ/КЛ. Уже из четырехбазовых теоретических конгломератов, посвященных ЯЛ, вырисовывается многогранность и многоцветность ее структуры.

Но ни в одном из этих макропазлов знаний и конституирующих их микропазлов в содержание языковой личности не включена в полной мере эмоциональная компонента. Поэтому в матрицу (модель) ЯЛ я включаю еще и огромный объем знаний о ее эмоциональном аспекте, который составляет пятый макропазл матрицы ЭКЛ.

Первый микропазл — знания, достигнутые разными науками об эмоциях человека (в сравнении с эмоциями животных). Конкретизаторами данного микропазла являются: определение эмоций; название эмоций; их классификации; их принципы и характеристики; их функции; их амби-/поливалентности; их девербализации; их связи с когницией; их кластирование; их культурно-национальная специфика, знание об их экологичности/неэкологичности и др.

Второй микропазл — обширный объем знаний о вербалике эмоций. Он содержит в себе следующие конкретизаторы данного микропазла: знания об эмотивной функции языка, о его эмотивном фонде, о типах эмотивной семантики (лексики, грамматики (синтаксиса и морфологии), стилистики); типах языковой категоризации эмоций; о дискурсивности эмоций; о типах эмотивного текста; о разграничении эмотивности и эмоциональности текста; о коммуникативно-эмоциональных ситуациях и их структуре, которая значительно расширяет понимание коммуникативной ситуации, не включавшей ранее ее облигаторный эмоциональный компонент ни в одну из теоретических работ до лингвистики эмоций; о лексикографическом отражении эмоций и способах и средствах их функционального и стилистического маркирования. Особое место в этом микропазле занимают довольно обширные и противоречивые знания о коннотации: ее типах/видах, ее соотношении с экспрессивностью, оценочностью, образностью, ценностью, о ее зависимости от культуры, гештальтов, стереотипов, фреймов и конкретной ситуации общения и от самого говорящего и его языкового паспорта. В этот же микропазл входят знания о трудностях перевода коннотации на иностранный язык в художественной коммуникации, а также в зависимости от индивидуальных знаний, чувствований, представлений конкретной языковой личности даже в одной и той же культурной общности, но в различных КЭС.

Третий микропазл — невербалика эмоций — состоит из знаний об окулесике эмоций, мимике и жестике, фонации и просодике, позах, проксемике, гаптике, пантомиме и др.

Четвертый микропазл — паралингвистика эмоций, знания о полихромности, запахах, вкусах, архитектуре, монументах/скульптурах, музыке, живописи, одежде и ее стилях и др.

Пятый микропазл — знания об эмотивной лингвоэкологии. Первый конкретизатор этого микропазла включает в себя знание о предметах данной отрасли лингвистики эмоций, о параметрах лингвистической экологичности/неэкологичности общения, знания об эмоциональном/экологическом интеллекте, об экологическом мышлении, о внутреннем экологическом цензоре, об экологической адаптивности, об экологической функции эмоций, об экологическом образовании/воспитании (о методике экологического тренинга общения) и др.

Таковы в основном когнитивные, эмоциональные, экологические микропазлы пятого макропазла эмотивно-когнитивной матрицы ЯЛ.

Введение знаний, составляющих когнитивную матрицу, в коммуникативную компетенцию *homo loquens / sentiens* позволит, по моему глубокому убеждению, каждому коммуниканту ориентировать свои эмоции на позитив во всех видах общения и противостоять/противоборствовать негативному эмоционально-аффективному воздействию источника информации на получателя. Следует также различать суммарность всех этих знаний об эмоциональном аспекте коммуникативной личности и их суммативность, которая значительно превышает первую, т.к. в процессе коммуникации каждое знание актуализирует различные коннотации и ассоциации. За счет последних и происходит приращение общих знаний об эмоциональной компоненте ЯЛ.

В данной статье эти объемные знания присоединяются к фактуальным знаниям о логической стороне ЯЛ и тем самым, на мой взгляд, закрывают основные лакуны, содержащиеся в картине знаний о ЯЛ. Можно также предположить, что знания о перечисленных макропазлах и их суммативность составляют содержание матрицы ЭКЛ, которая накладывается на предметно-фактуальные знания о ЯЛ и формируют ее более полную картину, имеющихся на современном уровне научных достижений в разработке концепции ЭКЛ.

Несомненно, в матрицу ЭКЛ должны быть включены и такие пазлы, как коммуникологический и прагматический с соответствующими микропазлами, конкретизирующими коммуникологический и прагматический признаки — конституэнты описываемой здесь матрицы. Размеры данной статьи не позволяют детализировать последние два пазла, да и предшествующий им эмотивно-лингвоэкологический пазл также приведен в сокращенном виде.

Из вышесказанного следует, что предложенная матрица является интеллектуальной базой ЭКЛ. Ее эмоциональная составляющая является отдельным разделом изучения в этой статье и в тех многочисленных работах лингвистики эмоций, которые здесь процитированы и которые остались за пределами цитирования.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, остановлюсь на основных результатах проведенного исследования. В данной статье предложена аргументация того факта, что термин «ЯЛ», во-первых, является неполным без эмоционально-экологической составляющей,

а во-вторых, компонент «языковая» представляется ошибочным, т.к. он ограничивает понимание данного термина знаниями о системе языка лишь с речевой потенциаль. Термин «коммуникативная личность» представляется более адекватным в парадигме коммуникативистики, так как каждая языковая единица коммуникативно предназначена. А при рассмотрении *homo loquens* в двух парадигмах — в парадигме эмотиологии и парадигме коммуникативистики — такая личность является эмоционально-коммуникативной.

В данной статье было показано движение научной мысли от зарождения до определения понятия «языковая личность». Это осуществлено на материале как фундаментальных трудов о языковой личности, так и на материале ряда частных исследований, дополняющих и развивающих разработанные в них теоретические положения.

Автором установлено, что теория языковой личности многолика, но до настоящего времени не предлагает полной картины этого феномена, что в свою очередь не позволяет сформулировать единую дефиницию рассматриваемого в статье понятия.

В связи с возникновением и развитием лингвистики эмоций и коммуникативистики стало особенно очевидным отсутствие структурно-эмоциональной компоненты в матрице языковой личности. Поэтому в работе даны аргументы в пользу введения нового термина — «эмоционально-коммуникативная личность», подчеркивающего, что он закрывает лауну, существующую во всех определениях языковой личности, не отменяющего однако уже давно существующий термин.

В статье предложено описание когнитивной матрицы эмоционально-коммуникативной личности, раскрывающее в большей мере понимание структуры «языковой личности». Это, по мнению автора, является новым знанием о предложенном в данной статье для уточнения содержания уже существующего термина — ЯЛ.

Результаты данного исследования доказывают, что эмоциональная компонента встроена в структуру *говорящей личности*. Считаю более предпочтительным писать *говорящая*, т.е. коммуникативная личность, а не *языковая*. Я объясняю свое предпочтение тем, что ЯЛ подразумевает знание системы языка, а коммуникативная — знание дискурса, а это значительно шире знания системы: эмоциональная палитра в красках общения (в ситуациях) значительно шире и богаче языковой системы. Еще одним аргументом в пользу термина коммуникативная личность является тот факт, что дискурс, в отличие от системы, является другой информационной реальностью.

Подчеркнуто также, что именно структурно-эмоциональная компонента языковой личности позволяет осознать ее (не)экологичность. Предложенная матрица расширяет при соответствующем тренинге эмотивно-когнитивную компетенцию *homo loquens / homo sentiens*.

Полагаю, что предложенная матрица повышает степень экологической безопасности общения и снижает экологические риски, что позволяет в большей мере избежать коммуникативных помех и провалов в разных видах и жанрах общения.

Несомненно, люди могут общаться эмоционально и без этих знаний, но эти знания, вложенные в их коммуникативную компетенцию, позволят *homo sapiens* в самых различных КЭС в большей степени регулировать свои эмоции и эмоции речевого партнера, то есть с большим знанием дела проводить эмоциональный тьюнинг, ибо снабженный такой компетенцией человек говорящий приобретает эмоциональный интеллект, в который входит и экологический интеллект.

В связи с возобновившимся и обостренным интересом к современной технической науке кибернетике, в частности к роботизации промышленности и быта, делопроизводства и особенно созданию искусственного интеллекта, предложенная здесь матрица может быть, на мой взгляд, полезной. Я объясняю это тем, что до настоящего времени уже существующие роботы, искусственный перевод все еще не содержат эмоционально-чувственные компоненты. Они ограничиваются лишь логико-рациональной деятельностью. А потребности в замене живого человека во многих сферах деятельности настойчиво требуют создания такого искусственного интеллекта, который бы содержал и эмоционально-чувственный интеллект. Это, в свою очередь, позволило бы в большей степени заменить *homo sapiens* искусственным интеллектом с адекватным чувственным реагированием/рефлектированием естественному человеческому разуму.

© В.И. Шаховский, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богин Г.И. *Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов*. Л.: ЛГУ, 1984. 31 с. [Bogin, G.I. (1984). *Model' yazykovoi lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov* (The model of linguistic personality and its relation to different types of texts). L.: LGU. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари, 1996. [Wierzbicka, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. M.: Russkie slovari. (In Russ.)]
- Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://journals.rudn.ru/linguistics/issue/view/576> (дата обращения: 31.03.2017). [*Russian Journal of Linguistics* (2015), 1. Retrieved from: <http://journals.rudn.ru/linguistics/issue/view/576> (data obrashcheniya: 31.03.2017). 257 p. (In Russ.)]
- Виноградов В.В. *О художественной прозе*. М.—Л.: Госиздат, 1930. [Vinogradov, V.V. (1930). *O khudozhestvennoy proze* (A work of fiction). M.—L.: Gosizdat. (In Russ.)]
- Волкова Я.А. *Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте*: монография. Волгоград: Перемена, 2014. [Volkova, Ya.A. (2014). *Destrktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte*: monografiya. (Destructive communication in the cognitive-discursive aspect). Volgograd: Peremena. (In Russ.)]
- Гак В.Г. *Языковые преобразования*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с. [Gak, V.G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya* (Language conversions). M.: Shkola «Yazyki russkoi kultury». (In Russ.)]
- Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж и архетип // *Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс*: сб. науч. тр. / Федеральное агентство по образованию, ВГПУ, каф. языкознания, науч. исслед. лаб. «Язык и личность»; ред. кол.: Е.И. Шейгал, Н.Н. Панченко,

Ю.М. Иванова. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 66—73. [Dmitrieva, O.A. (2006). *Lingvokul'turnyi tipazh i arkhetyp* (Linguo-cultural type and archetype). *Chelovek v kommunikatsii: kontsept, zhanr, diskurs*: sb. nauch. tr. Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu, VGPU, kaf. yazykoznaniiya, nauch.-issled. lab. «Yazyk i lichnost'»; red. kol.: E.I. Sheigal, N.N. Panchenko, Yu.M. Ivanova. Volgograd: Paradigma, 66—73. (In Russ.)]

Дмитриева О.А., Мурзинова И.А. *Теория лингвокультурных типов: уч. пособие*. Волгоград, 2015. [Dmitrieva, O.A., Murzinova, I.A. (2015). *Teoriya lingvokul'turnykh tipazhei*: uch. posobie. (The theory of linguistic cultural types). Volgograd. (In Russ.)]

Дридзе Т.М. *Язык и социальная психология*. М.: Высш. шк., 1980. [Dridze, T.M. (1980). *Yazyk i sotsial'naya psikhologiya* (Language and social psychology). М.: Vyssh. shk. (In Russ.)]

Ермакова О.П. Речевой портрет собаки // *Лику языка. К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской*. М.: Наследие, 1998. С. 94—103. [Ermakova, O.P. (1998). *Rechevoi portret sobaki* (Speech portrait of the dog). *Liki yazyka. K 45-letiyu nauchnoi deyatel'nosti E.A. Zemskoi*. М.: Nasledie, 94—103. (In Russ.)]

Ионова С.В. Эмотивная лингвистика: от глубин слова к широте социальных коммуникаций / *Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике*: Сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. С. 9—12. [Ionova, S.V. (2013). *Emotivnaya lingvistika: ot glubin slova k shirote sotsial'nykh kommunikatsii* (Emotive linguistics: from the depths of the word to the breadth of social communication). *Chelovek v kommunikatsii: ot kategorizatsii emotsii k emotivnoi lingvistike*: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 75-letiyu profesora V.I. Shakhovskogo. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 9—12. (In Russ.)]

Ионова С.В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 20—30 [Ionova, S.V. (2015). *Emotional effects of positive forms of communication*. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 20—30. (In Russ.)]

Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yu.N. (1987). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian language and linguistic personality). М.: Nauka. (In Russ.)]

Кинг С. *Худеющий*. М.: АСТ, АСТ Москва, Харвест, 2008. [King, S. (2008). *Khudeyushchii* [Thinner]. М.: AST, AST Moskva, Kharvest. (In Russ.)]

Кинг С. *Что упало, то пропало* (Кто нашел, берет себе) [Электронный ресурс]. URL: <http://knizhnik.org/stiven-king/kto-nashel-beret-sebe/1> (дата обращения: 31.03.2017), 430 с. [King, S. *Chto upalo, to propalo* (Kto nashel, берет себе). (Fell, then it was gone). Retrieved from: <http://knizhnik.org/stiven-king/kto-nashel-beret-sebe/1> (date of the application: 31.03.2017). (In Russ.)]

Красавский Н.А. *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. [Krasavskii, N.A. (2001). *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoi lingvokul'turakh* (Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures). Monografiya. Volgograd: Peremena. (In Russ.)]

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДК «Гнозис», 2003. [Krasnykh, V.V. (2003). «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? («Your» among «aliens»: myth or reality?). М.: ITDK «Gnozis». (In Russ.)]

Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Larina, T. (2019). *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'*

- turnykh traditsii* (Politeness and Communicative Styles: comparative analyses of English and Russian communicative traditions), Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009 (in Russ.)]
- Ларина Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 144—163. [Larina, T.V. (2015) Pragmatics of Emotions in Intercultural Context. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 144—163. (In Russ.)]
- Леонтович О.А. Способы передачи культурных смыслов в контексте переводного юмористического дискурса // *Бытие в языке*: сб. науч. тр. к 80-летию В.И. Жельвиса. Ярославль: ЯГПУ, 2011. С. 149—162. [Leontovich, O.A. (2011). Spособy peredachi kul'turnykh smyslov v kontekste perevodnogo jumoristicheskogo diskursa (Methods of transmission of cultural meanings in the context of the translation of humorous discourse). *Bytie v jazyke: sb. nauch. tr. k 80-letiju V.I. Zhel'visa. Jaroslavl'*: JaGPU, 149—162. (In Russ.)]
- Леонтович О.А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // *Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 144—163 [Leontovich, O.A. (2015). Positive Communication: A Theoretical Perspective. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 164—176. (In Russ.)]
- Матьяш О.И. *Межличностная коммуникация: теория и жизнь* / В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая. Под науч. ред. О.И. Матьяш. СПб.: Речь, 2011. [Mat'yash, O.I. (2011). *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn'* (Interpersonal communication: theory and life). V.M. Pogol'sha, N.V. Kazarinova, S. Bibi, Zh.V. Zaritskaya. In O.I. Mat'yash (Eds). SPb.: Rech'. (In Russ.)]
- Панченко Н.Н. *Достоверность как коммуникативная категория*: монография. Волгоград: Перемена, 2010. 395 с. [Panchenko, N.N. (2010). *Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya* (Reliability as a communicative category). Monografiya. Volgograd: Peremena. (In Russ.)]
- Пимкина Е.С. Характеристика коммуникативного поведения скептика-прагматика // Известия ВГПУ, 2016, № 3 (107). С. 131—135 [Pimkina, E.S. (2016). Kharakteristika kommunikativnogo povedeniya skeptika-pragmatika (The characteristics of the skeptic-pragmatic communicative behavior). *The VSPU Newsletters*. 3 (107), 131—135 (in Russ.)]
- Самуэлс Э. *Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа*. М.: ЧеРо, 1997. 416 с. [Samuels, E. (1997). *Yung i post'yungianty. Kurs yungianskogo psikhoanaliza* (Jung and post-humanity. A course of Jungian psychoanalysis). М.: CheRo. (In Russ.)]
- Сиротинина О.Б. Речевой портрет собаки: иллюзия или реальность? // *Вопросы стилистики*: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. С. 167—173. [Sirotinina, O.B. (1999). Rechevoi portret sobaki: illyuziya ili real'nost'? (The Speech portrait of a dog: illusion or reality?). *Voprosy stilistiki: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo Sarat. Un-ta. Vy. 28: Antropotsentricheskie issledovaniya*, 167—173. (In Russ.)]
- Сиротинина О.Б. *Хорошая речь* / Под ред. М.А. Кормилициной и О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2001. С. 222—228, 241—245. [Sirotinina, O.B. (2001). *Khoroshaya rech'* (Good speech). In M.A. Kormilitsinoi i O.B. Sirotininoi (Eds.). Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 222—228, 241—245. (In Russ.)]
- Сковородников А.П. *Экология русского языка*: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с. [Skovorodnikov, A.P. (2016). *Jekologija russkogo jazyka* (Ecology of the Russian language). Monografija / A.P. Skovorodnikov. Krasnojarsk: Sib. feder. un-t. (In Russ.)]
- Стернин И.А. *Что такое лингвистика?* Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 88 с. [Sternin, I.A. (1987). *Chto takoe lingvistika* (What is linguistics). Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta. (In Russ.)]

- Шаховский В.И. *Голос эмоций в языковом круге homo sentiens*. Изд. 3-е, стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015 а. 144 с. [Shahovskij, V.I. (2015). *Golos jemocij v jazykovom krugu homo sentiens* (Voice of emotion in the linguistic circle of homo sentiens). Izd. 3-е, stereotip. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM». (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции*. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов, 2016 а. 504 с. [Shahovskij, V.I. (2016 а). *Dissonans jekologičnosti v kommunikativnom krugu: chelovek, jazyk, jemocii* (Dissonance in communicative sustainability: people, language, emotions). Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. М.: Издательство ЛКИ, 2008 б. 208 с. [Shahovskij, V.I. (2008 б). *Kategorizacija jemocij v leksiko-semantičeskoj sisteme jazyka* (Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language). LKI. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Креатемы в модели языкового сознания русских // *Вопросы психолингвистики*. 2016 б. № 2 (28). С. 324—333. [Shahovskij, V.I. (2016 б). *Kreatemy v modeli jazykovogo soznanija russkih* (Createmy in a model of language consciousness of the Russians). *Voprosy psiholingvistiki*, 2 (28), 324—333. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Лингвистическая теория эмоций*. М.: Гнозис, 2008. 416 с. [Shahovskij, V.I. (2008 а). *Lingvističeskaja teorija jemocij* (Linguistic theory of emotions). M.: Gnozis. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. URSS. 2010 в. 128 с. [Shahovskij, V.I. (2010 с). *Jemocii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokulturologija* (Emotions: Alinguistic, linguistics, cultural linguistics). Izd.stereotip. URSS. (In Russ.)]
- Штеба А.А. Деформация языковой личности // *Филологические науки*. 2014. Вып. № 3. С. 12—16. [Shteba, A.A. (2014) *Deformatsiya yazykovoi lichnosti* (Deformation of language personality). *Filologičeskie nauki*. Vyp, 3, 12—16. (In Russ.)]
- Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве*: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с. [Emotivnaya lingvoehkologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve (Emotive Linguoecology in modern communication space) In V.I. SHahovskij (Eds). Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013. (In Russ.)]
- Языковая личность: структура и эволюция*: Монография. Краснодар: Кубан. гос. ун-т. 2000. 62 с. [Yazykovaya lichnost': struktura i evolyutsiya (2000). (Linguistic identity: the structure and evolution). Monografiya. Krasnodar: Kuban. gos. un-t. (In Russ.)]
- Alba-Juez, Laura (199). Irony and politeness / Laura Alba-Juez. In: *Revista española de lingüística aplicada*, AESLA, № 10. P. 9—16.
- Bally, Ch. (1944). *Linguistique générale et la linguistique française*. Paris : Ernest Leroux.
- Binet, A. (1946). *L'amour et l'emotion chez la femme, esquisse psycho-physiologique*. Paris: Vigot frères.
- Dane, F. (1987). *Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field*. Preprints of the Plenary Session papers / XIVth International Congress of Linguistics. Berlin. P. 272—291.
- Darwin, Ch. (1997). *The Expression of Emotion in Man and Animals*. Oxford University Press.
- Dirven, R. (2010). Emotions as cause and the cause of emotions. *The Language of Emotions*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing House. P. 55—86.
- Goleman, D. (1997). *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ*. Bantam Books.
- International Conference on Language and Emotions*. Book of abstracts. (2016). Madrid.
- Larina, T. (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7. P. 195—215.

- Les Émotions dans les interactions, sous la direction de C. Plantin, M. Doury et V. Traverso.* (2000) Lyon, ARCI Presses Universitaires de Lyon, coll. "Éthologie et psychologie des communications".
- Niemeier, S. (1997). Nonverbal expressions of emotions in a business negotiation. *The Language of Emotions*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing House. P. 277—306.
- Schakhovsky, V.I. (1978) Zum Problem der Translation der emotionalen Komponenten des Inhalts von Originaltexten // *Wissenschaftliche Zeitschrift*, Heft 1. Zwickau: Ped. Hochsch. Ernstschneller, 1978, Pädagogische Hochschule Zwickau, 67—72.
- Schakhovsky, V.I. (1987 b). Lexikalische Bedeutung und Konnotation // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. Berlin: Akademie Verlag. № 6, 80—91.
- Schakhovsky, V.I. (2000). The Russian Language Personality and its Neologisms in Emotional Communicative Situations // *Imagination, Cognition and Personality*, vol. 19 (2). P. 195—202.
- Schakhovsky, V.I. (2003). Emotional / Emotive Competence in Intercultural Communication. *Communication Studies*. Modern Anthology. Volgograd, 2003. P. 19—28.
- Schleicher, A. (1869). *Die deutsche Sprache*. Zweite verbesserte und vermehrte Auflage. Stuttgart, Verlag der J.C. Cotta'schen Buchhandlung.
- Selye, H. (1974). *Stress without distress*. Philadelphia; New York: J.B. Lippincott.
- The Language of Emotions.* (1997). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing House. P. 209—226.
- Volek, B. (1987). *Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian*. Amsterdam—Philadelphia.
- Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and universals*. Cambridge University Press
- <https://www.studsell.com/view/119770/> (date of the application / дата обращения 17.03.2017)

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 июля 2017

Дата принятия к печати: 21 августа 2017

Для цитирования:

Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 54—79. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79.

Сведения об авторе:

ШАХОВСКИЙ ВИКТОР ИВАНОВИЧ — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Он является основателем эмотиологии — нового научного направления в российской лингвистике, нацеленного на изучение эмоций в языке и коммуникаций, которой посвятил многие годы своей научной деятельности. *Сфера научных интересов:* лингвистика эмоций, категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка, эмоциональное общение, язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии, эмотивная лингвоэкология. Среди его основных публикаций монографии *Лингвистическая теория эмоций* (М.: Гнозис, 2008), *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка* (2009), *Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология* (М.: Либроком, 2009), *Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии* (Волгоград: Перемена, 2009), *Голос эмоций в языковом круге homo sentiens* (М.: Либроком, 2012), *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции* (Волгоград, 2016). *Контактная информация:* e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79

THE COGNITIVE MATRIX OF EMOTIONAL-COMMUNICATIVE PERSONALITY

V.I. Shakhovskiy

Volgograd State Social Pedagogical University
27 V.I. Lenin prospect, Volgograd, Russia, 400066

Abstract

The purpose of the article is to show the development of scientific thought that leads to the origin and definition of the concept of “language personality”. Attention is drawn to the fact that up to the 1970s emotions had been completely excluded from the scope of linguistic attention. With the advent of anthropocentric linguistics, emotions were recognized as the human being focal point, but linguists’ attention was still attracted merely to the language of *homo loquens / sentiens* — the emotional component was missing. Therefore, the objectives of the article are as follows: 1) to present and discuss the development of the Language Personality Theory; 2) to prove the necessity of including the emotive component into the concept of the language personality structure; 3) to substantiate the introduction of the new term — “emotionally-communicative personality”, which logically fits into the terminological system of modern communicology and emphasizes its communicative significance. The theoretical material includes numerous works devoted to the problem of language personality, beginning from V.V. Vinogradov (the 1930s) to G.I. Bogin, Yu.N. Karaulov (the 1980s), from the 1990s to the present O.A. Dmitrieva, I.A. Murzinova (2015); Shakhovskiy, 2000; V.I. Shakhovskiy (2008 a&b); A.A. Shteba (2014) and many others. To my knowledge, the notion of language personality has not been discussed by foreign linguists. Another block of theoretical material is dedicated to the problem of the language and emotion correlation. Russian linguistics has been researching this problem since 1969. Main results of these studies can be found in the works of V.I. Shakhovskiy, from (1969 to present), S.V. Ionova (1998, 2015), N.A. Krasavsky (2001), T.V. Larina (2009, 2015), and Ya.A. Volkova (2014) among others. The problem of the language and emotion correlation is varied in its formulation — the language of emotions or language and emotions: A. Schleicher, 1869; Ch. Bali, 1944; A. Binet, 1946; F. Daneš, 1987; B. Volek, 1987; R. Dirven, 1997; S. Niemeier, 1997; A. Wierzbicka, 1999 and others. The main research methods used in the article are the critical analysis of theoretical studies, by means of the hypothetical-deductive method, and the scientific intuition of the author of the article. It is found that 1) Language Personality Theory is many-faced but does not constitute a full picture of the described phenomenon, which does not, in its turn, allow to accept a common definition of the language personality; 2) due to the development of emotive linguistics and the theory of communication, it is obvious that there is a lack of the structure-emotive component in the language personality matrix. Also, due to the emergence and rapid development of the linguistics of emotions and the theory of communication, a gap in the structure of the language personality has become evident — namely, the absence of the emotional structural component in its model (matrix). In this regard, the article provides argumentation to support the introduction of a new term — “emotionally-communicative personality”, as well as an attempt to describe the cognitive matrix of the emotionally-communicative personality along with the term “language personality”. The new term completes the term “language personality”; 3) the structural emotive component of language personality allows to explain how language personality can be ecological or non-ecological; 4) the term “matrix” helps explaining the emotive-cognitive intellectual competence of *homo loquens / homo sentiens*.

Keywords: *emotions, communicative emotional situation, language personality, emotionally-communicative personality, cognitive matrix, homo sentiens*

Article history:

Received: 10 July 2017

Revised: 18 August 2017

Accepted: 21 August 2017

For citation:

Shakhovsky, Victor (2018). The Cognitive Matrix of Emotional-Communicative Personality. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 54—79. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79.

Bionote:

VICTOR I. SHAKHOVSKY is a full professor, Doctor of Philology, an Honoured scientific worker of the Russian Federation, a senior scientific worker at the Institute of Modern Languages of the Volgograd State Social Pedagogical University. He has founded in Russian Linguistics a new research field called emotiology, aimed at studying emotions in language and communication. His research interests are focused on theory of emotiology, categorization of emotions in language, emotions in communication, emotions in language and culture. He is an author of the books *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic Theory of Emotions] (Moscow, 2008), *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Categorisation of emotions in language] (2009), *Emotsii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya* (2009), *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokul'turologii* [Language and emotions in languages and cultures] (Volgograd, 2009), *Golos emotsii v yazykovom krugе homo sentiens* (2012), *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii* [Ecological discord in the Communicative Triangle: Human Being, Language and Emotions] (Volgograd, 2016) (all published in Russian). *Contact information:* e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru